67416

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Ор. Ѳ. Миллера.

67416

(Изъ газеты «Недѣля»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1879.

67146

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4-го іюля 1879 года.

67416

А. С. Грибоѣдовъ.

Жизнь и переписка.

Къ истекшему 30 января пятидесятилѣтію со дня смерти Грибоѣдова его характерная личность уже значительно выяснилась у насъ сравнительно съ порою первыхъ біографическихъ воспоминаній о немъ Булгарина, Кс. Полеваго и въ «Эндиклопедическомъ словарѣ» Плюшара. Рукописныя данныя, полученныя покойнымъ Смирновымъ отъ ближайшихъ къ Грибоѣдову лицъ, начиная съ его лучшаго друга Ст. Ник. Бѣгичева (въ томъ числѣ и біографическія замѣтки послѣдняго), дали возможность сперва самому Смирнову, а потомъ Алексѣю Николаевичу Веселовскому поставить изученіе Грибоѣдова на новую и твердую почву. Къ сожалѣнію, многое изъ этого богатаго рукописнаго запаса до сихъ поръ еще, по разнымъ соображеніямъ, не можетъ быть напечатано и будетъ, вѣроятно, храниться въ библіотекѣ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности до истеченія всякаго рода «давностей» [1]). Пред-

---

[1]) Д. Смирновъ опубликовалъ еще въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г., книга IV и V, множество любопытныхъ данныхъ подъ заглавіемъ „Черновая тетрадь Грибоѣдова“. Ему же принадлежатъ „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“, напечатанныя въ „Бесѣдахъ“ Моск. Общ. Люб. Росс. Словесности, в. 2 (1868), А. Н. Веселоскому принадлежитъ „Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума“ въ Русс. Архивѣ 1874 г., кн. VI, и біографія Грибоѣдова передъ изд. его сочиненій въ „Русской Библіотекѣ“ г. Стасюлевича. Не мало любопытнаго матеріала представляетъ также біографич. очеркъ Грибоѣдова въ V и VI кн. Р. Старины 1874 г.

метомъ особеннаго вниманія стала у насъ наконецъ и дипломатическая дѣятельность Грибоѣдова въ связи съ его страшною смертью, такъ долго остававшеюся загадочною [1]). Но при всѣхъ успѣхахъ въ изученіи этого столь рано погибшаго и столь уже много сдѣлавшаго на разныхъ поприщахъ человѣка, дѣло не можетъ считаться законченнымъ хотя бы и впредь до истеченія «давностей». И напечатанный уже матеріалъ долженъ быть провѣренъ и пересмотрѣнъ, независимо отъ какого-либо предвзятаго взгляда. Надо дать выступить въ изложеніи жизни великаго писателя и государственнаго мужа *всякой* чертѣ, обнаруживаемой его перепиской или достовѣрными воспоминаніями объ немъ. Ничего не должно быть утаено или произвольно перетолковано. Это, конечно, должно бы стать правиломъ и для всякаго жизнеописанія, правиломъ пересиливающимъ суетное опасеніе, какъ бы при этомъ не пострадалъ *герой*. Но по отношенію къ Грибоѣдову, кажется мнѣ, такое опасеніе даже совершенно излишне. Чѣмъ болѣе будетъ выясняться его настоящій образъ даже со всѣми его человѣческими недостатками, съ постояннымъ отсутствіемъ у него «лада между умомъ и сердцемъ» (по выраженію Чацкаго), тѣмъ сочувственнѣе, величественнѣе и даже цѣльнѣе представляется намъ авторъ и, такъ сказать, исповѣдникъ «Горя отъ ума».

Долго оставалось у насъ не вполнѣ опредѣленнымъ самое время рожденія Грибоѣдова. Теперь уже можно считать положительною цифру 4 января 1795. Грибоѣдовъ, стало быть, родился подъ самый конецъ блестящаго вѣка Екатерины II, и свою не совсѣмъ-то сочувственную его характеристику устами Чацкаго не могъ, разумѣется, основать на непосредственныхъ наблюденіяхъ. Среда, въ которой выросъ Грибоѣдовъ, талантливо обрисована А. Н. Веселовскимъ, особенно налегающимъ на соотвѣтствіе отношеній Грибоѣдова къ этой средѣ съ отношеніями къ московскому обществу

---

[1]) *Берже*, «А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ» (1818—1828 г.) въ «Русской Старинѣ» 1874 г. (кн. X). Его-же, А. С. Грибоѣдовъ какъ дипломатъ» въ «Русской Старинѣ 1874 г. (кн. XI и XII) и 1876 г. (кн. XII). Его-же, «Смерть Грибоѣдова» въ «Русской Старинѣ» 1872 г. (кн. VIII). *П. А. Ефремова*, «О смерти Грибоѣдова» въ Русск. Архивѣ, 1872 г. № VII—VIII.

Чацкаго. У насъ въ послѣднее время, быть можетъ, стали вообще приписывать «средѣ» даже слишкомъ много; но г. Веселовскій едва-ли особенно погрѣшилъ въ этомъ отношеніи. Не даромъ у самого Грибоѣдова въ одномъ изъ писемъ къ близкому человѣку (А. И. Одоевскому) вырвались такія слова: «чтобы быть художникомъ, надо родиться безроднымъ». Но я не стану особенно налегать на то, что уже достаточно выяснено другими—ни на отсутствіе какого-либо воспитательнаго значенія со стороны отца Грибоѣдова, ни на преобладающее значеніе въ семействѣ его матери, руководившейся совѣтами своего брата, который послужилъ, полагаютъ, образцомъ для Фамусова. При всемъ томъ Грибоѣдовъ получилъ воспитаніе не только блестящее, но и основательное. Завершилось оно посѣщеніемъ лекцій въ московскомъ университетѣ. Хотя молодой Грибоѣдовъ и ходилъ туда постоянно въ сопровожденіи гувернера изъ неизбѣжныхъ «иностранныхъ» людей, но выборъ ментора оказывался для него удачнымъ и онъ не могъ помянуть лихомъ ни Петрозалліуса, ни особенно Іона (и впослѣдствіи сохранившаго самыя задушевныя отношенія къ своему питомцу). Воспитаніе, полученное Грибоѣдовымъ, несомнѣнно соединялось съ видами семьи на блистательную карьеру. Если во времена Простаковой достаточно было, чтобы выйти въ люди, пройти курсъ наукъ у Цыфиркина и Кутейкина съ Вральманомъ, то въ первой четверти нашего вѣка требовалось гораздо болѣе; мать же Грибоѣдова несомнѣнно была женщина умная и даже образованная—конечно, на великосвѣтскій ладъ. Умственное развитіе въ глазахъ ея было очень хорошимъ *средствомъ* для достиженія другихъ, высшихъ цѣлей, но она никогда не могла помириться съ тѣмъ, чтобы сынъ ея посвятилъ себя исключительно и всецѣло писательству. Оно въ этомъ смыслѣ представлялось ей, какъ географія Простаковой, не совсѣмъ-то дворянскимъ дѣломъ. Между тѣмъ характеръ преподаванія въ московскомъ университетѣ былъ способенъ особенно развивать въ слушателяхъ литературное направленіе. Замѣчательно, что при господствѣ на московской литературной каѳедрѣ псевдо-классической школы Грибоѣдовъ остался почти совершенно свободнымъ отъ ея вліянія. Въ немъ какъ будто бы сказывалась уже съ юношескихъ лѣтъ особенная сила

отпора всякимъ вліяніямъ, рано его приведшая къ полной самостоятельности и своеобразію. По отношенію къ литературному классицизму замѣтимъ, что извѣстная въ то время псевдо-классическая трагедія Озерова «Димитрій Донской», производившая, какъ извѣстно, фуроръ—который можно назвать псевдо-патріотическимъ—вызвала со стороны студента Грибоѣдова пародію, подъ заглавіемъ «Димитрій Дрянской». Не менѣе критически отнесся позже молодой Грибоѣдовъ и къ тому направленію, которымъ смѣнялся у насъ въ то время псевдо-классицизмъ—къ направленію сентиментальному. Представителемъ его является Беневоленскій—главное лицо комедіи «Студентъ», написанной Грибоѣдовымъ вмѣстѣ съ Катенинымъ, строгимъ классикомъ, съ которымъ впослѣдствіи сблизился Грибоѣдовъ, не смотря на свою, столь рано выказавшуюся литературную самостоятельность [1]). Но этому сближенію еще задолго предшествовало составленіе первоначальнаго плана «Горя отъ ума», относящееся еще къ студенческимъ годамъ Грибоѣдова, какъ это стало извѣстно по свидѣтельству одного изъ его товарищей [2]). Этимъ свидѣтельствомъ, конечно, подкрѣпляется мнѣніе о связи между замысломъ знаменитой комедіи и тѣмъ, такъ сказать, семейнымъ воздухомъ, котораго авторъ ея особенно надышался въ свои молодые годы.

Между тѣмъ Грибоѣдовъ выходитъ изъ университета. Это было какъ разъ въ 1812 г. Семнадцатилѣтнему юношѣ хотѣлось принять участіе въ оборонѣ родины. Онъ поступаетъ въ формировавшійся тогда вольный гусарскій полкъ гр. Салтыкова. Но формировка полка идетъ вяло, а послѣ неожиданно приключившейся смерти Салтыкова полкъ распускается. Между тѣмъ непріятель уже бѣжитъ изъ Россіи, и юношѣ Грибоѣдову, перешедшему въ другой полкъ, вмѣсто геройскихъ подвиговъ достается праздная

---

[1]) Извѣстіе о комедіи «Студентъ» съ изложеніемъ содержанія сообщено еще Л. Н. Майковымъ въ его замѣткѣ о Грибоѣдовѣ во 2-мъ вып. Сборника, издававшагося студентами спб. университета. Комедія эта, переданная г. Майкову братомъ Катенина, до сихъ поръ еще остается не напечатанной. Она впрочемъ весьма слаба.

[2]) Шн—ра, впослѣдствіи профессора спб. университета. Извѣстіе это приводится въ той-же замѣткѣ Л. Н. Майкова.

стоянка въ Литвѣ. Разочарованный, онъ погружается въ омутъ той развеселой жизни, которая была такъ своеобразно воспѣта Д. Давыдовымъ и о которой Грибоѣдовъ вспоминалъ въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4-го сентября 1817 г.: «я въ этой дружинѣ (Иркутскомъ гусарскомъ полку) побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный». Бѣгичевъ, самъ хватившій этой жизни, опомнился ранѣе Грибоѣдова и протянулъ руку помощи юному своему сослуживцу, вслѣдствіе этого и подружившемуся съ нимъ на всю жизнь. Но Грибоѣдову захотѣлось, если не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ перомъ, заплатить свою патріотическую дань 12-му году, хотя онъ, повидимому, познакомился съ нимъ попреимуществу съ его закулисныхъ сторонъ. Въ черновой тетради Грибоѣдова сохранился планъ драмы изъ двѣнадцатаго года—безъ всякой помѣтки времени написанія [1]). По всей вѣроятности планъ этотъ составился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, осадокъ которыхъ, отвѣданный Грибоѣдовымъ, не охладилъ въ немъ однако патріотическаго одушевленія. Въ началѣ драмы, не лишенной романтической примѣси чудеснаго, должны были возникнуть передъ зрителями «тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч.» Онѣ должны были пророчествовать о «годинѣ искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества» (sic). Въ числѣ «усопшихъ исполиновъ» не оказывается Димитрія Донского — можетъ быть подъ вліяніемъ того фальшиваго воспроизведенія его у Озерова, на которое, какъ мы видѣли, Грибоѣдовъ отозвался пародіей. Далѣе въ оригинальномъ и, можно сказать, по-шекспировски разностороннемъ планѣ Грибоѣдовской драмы на сцену выводился Наполеонъ. Ему, любующемуся изъ Кремля на Москву, влагалось въ уста «размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный, что-бы онъ могъ произвести?» Взглядъ этотъ, заключающій въ себѣ зародышъ

---

[1]) Напечатано сперва въ «Черновой тетради» г. Смирнова, потомъ въ изд. соч. Грибоѣдова г. Стасюлевича.

не вполнѣ одобрительныхъ отношеній къ самому выдающемуся изъ «усопшихъ исполиновъ», Петру, уже прямо свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени было прочувствовано самимъ Грибоѣдовымъ, подъ вліяніемъ его хотя лично и уважаемыхъ имъ иностранныхъ менторовъ, ироническое выраженіе Чацкаго, что «намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья». Непосредственнымъ представителемъ «юнаго, первообразнаго» народа со всѣми его «особенностями» выводится въ Грибоѣдовскомъ планѣ ополченецъ М*, совершающій подвиги, остающійся «въ пренебреженіи у военачальниковъ», а по окончаніи войны отпускаемый восвояси «съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію». Дѣло въ томъ, что онъ крестьянинъ. Такой выборъ героя особенно замѣчателенъ: въ немъ уже ярко и рѣшительно сказывается отпоръ Грибоѣдова своей средѣ,—той средѣ, которая оттолкнула его отъ себя, между прочимъ, и нулевымъ итогомъ Салтыковскаго ополченія. Досада на это обстоятельство—досада отчасти личная — едва-ли не сказалась и въ слѣдующихъ сжатыхъ, но желчныхъ словахъ Грибоѣдовскаго плана: «всеобщее ополченіе безъ дворянъ... Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ...» Драма по плану кончается тѣмъ, что «М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду» (намекъ, надо думать, на наше *европейничанье* въ самомъ *крѣпостничествѣ*). Отчаяніе... Самоубійство...» Заключеніе плана выставляетъ Грибоѣдова прямымъ литературнымъ сподвижникомъ Новикова, Радищева, Н. И. Тургенева и др., но, конечно, не Карамзина. Что-же касается взгляда на доли участія небритаго народа и бритыхъ классовъ въ отечественной войнѣ, то въ этомъ отношеніи Грибоѣдовъ какъ-бы вторилъ самому Императору Александру I, который подъ конецъ 12 г. высказался въ добрый часъ откровенности такимъ образомъ: «О, мои бородачи, они гораздо лучше насъ!.. Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи» [1]).

Но плану Грибоѣдовской драмы трудно было осуществиться.

---

[1]) Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ г-жи Шуазель-Гуфье (въ Рус. Старинѣ 1877 г., декабрь книжка, посвященная юбилею Александра Благословеннаго—стр. 603).

Между тѣмъ какъ онъ оставался подъ спудомъ въ черновой тетради Грибоѣдова, передъ публикой будущій авторъ «Горя отъ ума» выступилъ прежде всего съ двумя статейками— «О кавалерійскихъ резервахъ» и «О праздникѣ въ честь генерала Кологривова» [1]). Этотъ послѣдній—начальникъ Грибоѣдова—былъ человѣкъ дѣйствительно хорошій и образованный и похвала ему не могла быть лестью; все же приводимое Грибоѣдовымъ въ пользу кавалерійскихъ резервовъ отличается дѣльностію;—болѣе едва-ли можно сказать о первыхъ статьяхъ Грибоѣдова. Печатая ихъ въ «Вѣстникѣ Европы», авторъ какъ будто хотѣлъ этимъ показать, что онъ не исключительно только кутилъ и повѣсничалъ. Но къ порѣ его литовской стоянки относится и начало его знакомства съ извѣстнымъ драматургомъ кн. Шаховскимъ. Оно, конечно, содѣйствовало сильнѣйшему развитію въ Грибоѣдовѣ той страсти къ театру, которая въ немъ пробудилась такъ рано. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ выходъ Грибоѣдова изъ военной службы и переселеніе его въ Петербургъ, гдѣ онъ наконецъ поступилъ (съ 1817 г.) на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Ко времени его уже петербургской жизни относится рядъ переводныхъ и полупереводныхъ комедій, написанныхъ отчасти въ сообществѣ съ другими [2]). Неблагосклонное отношеніе къ первому театральному его опыту извѣстнаго романиста и драматурга Загоскина вызвало Грибоѣдова на желчную литературную месть въ видѣ довольно топорной сатиры «Лубочный театръ». Грибоѣдовъ въ то-же время испытываетъ свои силы и на поприщѣ критики—статьею въ оборону своего друга Катенина, не представляющею, кромѣ раздраженнаго тона, ничего особеннаго. Соотвѣтственно такой совершенно ничтожной литературной дѣятельности, молодой театралъ тратилъ время на различныя закулисныя и великосвѣтскія похожде-

---

[1]) Напечатаны въ изд. сочиненій Грибоѣдова г. Серчевскаго.

[2]) Въ 1815 г. «Молодые супруги», въ 1817 г. «Притворная невѣрность» (вмѣстѣ съ Жандромъ), въ 1818 г. сцены во 2-мъ дѣйствіи «Своей семьи» Хмѣльницкаго и Шаховскаго; въ 1819 г. «Проба интермедіи». Къ тому-же разряду совершенно незначительныхъ театральныхъ произведеній относится позже написанная Грибоѣдовымъ комедійка «Кто братъ, кто сестра» (вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ).

нія. На Грибоѣдовѣ такимъ образомъ оправдывались стихи Пушкина:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.

Но онъ былъ уже призываемъ къ «священной жертвѣ» и откликнулся на призывъ планомъ драмы изъ 1812 г. и первоначальнымъ замысломъ «Горя отъ ума». Только временнымъ, хотя и довольно продолжительнымъ совращеніемъ съ его прямого пути были для Грибоѣдова тѣ годы, о которыхъ писалъ онъ Бѣгичеву (9 ноября 1816 г.): «я такой-же, какой былъ и прежде, пасынокъ здраваго разсудка...» «Да пріѣзжай-же скорѣе, писалъ онъ далѣе. Неужели все заводчика корчишь? Передъ кѣмъ? У тебя нѣтъ матери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ...» Надо сознаться однако-же, что мать Грибоѣдова имѣла право быть недовольною имъ въ это время. Къ сожалѣнію, требуя отъ него степенности, его родные соединяли съ этимъ и виды на скорѣйшіе успѣхи по службѣ. А Грибоѣдовъ, выражаясь словами Чацкаго, продолжалъ «ѣздить къ женщинамъ», но бѣгалъ отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ доставить протекцію. Между тѣмъ его образъ жизни довелъ его наконецъ до той знаменитой дуэли изъ-за танцовщицы Истоминой, въ которой должны были выступить съ одной стороны Шереметевъ и Завадовскій, съ другой—Якубовичъ и будущій творецъ «Горя отъ ума». Вторая половина дуэли была отсрочена на неопредѣленное время вслѣдствіе того, что первая половина ея закончилась смертію Шереметева. Грибоѣдову послѣ этого оставалось только искать случая оставить Петербургъ. Этотъ случай представился: нашъ повѣренный въ Персіи, Мазаровичъ, предложилъ ему занять при себѣ мѣсто секретаря. Къ этому присоединились убѣжденія со стороны самого министра, которыя, разумѣется, льстили самолюбію родныхъ Грибоѣдова. Молва объ его, стало быть, отмѣнныхъ способностяхъ очень кстати покрывала молву о бурныхъ его страстяхъ, — и Грибоѣдову оставалось только уступить призыву въ далекій служебный путь.

Между тѣмъ еще въ шумную пору своей петербургской жизни

онъ успѣлъ поступить въ масонскую ложу «des amis réunis». Это сближало его съ людьми, которые должны были постепенно оказывать на него остепеняющее вліяніе. Оно выразилось, быть можетъ, и въ томъ, что отъ своихъ совершенно пустыхъ театральныхъ работокъ онъ по временамъ переходилъ къ обдумыванію «Горя отъ ума». Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга уже было написано нѣсколько сценъ. Но, по свидѣтельству Бѣгичева, роль Чацкаго, эта сердцевина драмы, была еще далеко не выяснена, а Репетилова еще и вовсе не было въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, съ другой же стороны было нѣсколько такихъ, которыя при дальнѣйшей обработкѣ оказались исключенными изъ комедіи.

Грибоѣдовъ рѣшился отправиться въ Персію, только скрѣпя сердце. Еще 15 апрѣля 1818 г. онъ писалъ Бѣгичеву: «посылаю тебѣ «Притворную невинность...» [1]). Объясню тебѣ непритворную мою печаль... Меня непремѣнно хотятъ послать—куда-бы ты думалъ?—въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ... Третьяго дня, по приглашенію министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина тотчасъ по назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился... «Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія...» Нисколько, ваше сіятельство; музыканту [2]) и поэту нужны слушатели, читатели: ихъ нѣтъ въ Персіи... Всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ съ роду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное распоряженіе... Кажется однако, что не согласятся на мои требованія». Эта надежда обманула его: согласились.

Плохимъ утѣшеніемъ для Грибоѣдова было то, что онъ по крайней мѣрѣ продалъ себя не дешево, и тѣмъ болѣе можетъ имъ быть довольна его родня. Уже изъ Новгорода писалъ онъ (30-го августа) Бѣгичеву: «Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Нынче мои имянины. Благовѣрный князь, по имени котораго я

---

[1]) Переведенную имъ комедію. Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву изданы Моск. Обществомъ Любителей Русской Словесности въ 1860 г. (вмѣстѣ съ письмами Карамзина къ Малиновскому). Въ изд. г. Стасюлевича перепечатаны только нѣкоторыя изъ писемъ къ Бѣгичеву.

[2]) Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ и замѣчательнымъ музыкантомъ.

названъ, здѣсь прославился... Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ, и сопменнаго ему секретаря посольства та-же участь ожидаетъ». Такимъ образомъ недоброе предчувствіе напутствовало его еще при *первомъ* его отъѣздѣ въ Персію. Изъ Москвы, отъ 5 сентября, Бѣгичевъ получилъ не менѣе замѣчательное письмо. «Ты жалуешься — писалъ Грибоѣдовъ—на домашнихъ своихъ казарменныхъ готтентотовъ; это участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ». Въ этомъ слышно опять подтвержденіе автобіографическаго значенія «Горя отъ ума». А вѣдь еслибы не эта бездна дураковъ кругомъ, такой человѣкъ, какъ Грибоѣдовъ, не заплатилъ-бы, конечно, такой обильной дани всякаго рода «дурачествамъ» (употребляю выраженіе Чацкаго).

Настроеніе Грибоѣдова въ это время отразилось, какъ полагаютъ, въ стихахъ, найденныхъ въ его черновой тетради, подъ заглавіемъ: «Прости отечество».

Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь ..
. . . . . .
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно..

Подъ именемъ «должностей» на прежнемъ языкѣ разумѣлись и вообще обязанности; въ данномъ случаѣ, вѣроятно, тяжелыя уступки семейнымъ требованіямъ...

Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь...

Но «должности», на которыя жалуется Грибоѣдовъ, отчасти облегчались для него тѣмъ, что онъ выполнялъ ихъ не только разсудочно, но и сердечно. Вотъ что писалъ онъ тому-же своему другу 18 сентября изъ Воронежа: «Мать и сестра такъ ко мнѣ привязались, что я бы былъ извергомъ, еслибы не платилъ имъ такою-же любовью... Нѣтъ, я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ

только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, перевезу ихъ съ собою въ Петербургъ. Въ Москвѣ все не по мнѣ— праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему... Помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ... можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ... спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого что я не восхищаюсь Какошкинымъ и ему подобными. Я ей это отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить...»

Уже изъ Тифлиса, отъ 21 января 1819 г., Грибоѣдовъ написалъ письмо къ редактору «Сына Отечества», вызванное корреспонденціей, только-что прочитанной имъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» [1]). «Пишутъ изъ Константинополя (въ русскую газету), будто-бы *въ Грузіи произошло возмущеніе*, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя. *Это меня и опечалило, и разсмѣшило...*» Почему, видно изъ дальнѣйшаго: «Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту-же новость, уже выписанную изъ русскихъ оффиціальныхъ вѣдомостей... всякому предоставлено обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечь можетъ». Далѣе Грибоѣдовъ спрашиваетъ: «А гдѣ настоящій источникъ такихъ вымысловъ?.. Какой-нибудь армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ пасмурнымъ лицомъ говоритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частный ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу». Уже изъ этого видно, до какой степени Грибоѣдовъ принималъ къ сердцу интересы русской политики, при всемъ неохотномъ своемъ поступленіи въ «дипломатическій монастырь» (какъ называлъ онъ свою службу въ Персіи). Къ нему вполнѣ примѣнялась пословица: «взявшись за гужъ, не

---

[1]) Напечатано въ изданіи г. Серчевскаго.

говори, что не дюжъ». Добросовѣстное отношеніе къ дѣлу побудило его выучиться по-персидски и по-арабски. При этомъ онъ заботился о всестороннемъ ознакомленіи съ Персіей. «Скудость познаній объ этомъ краѣ, читаемъ мы въ его путевыхъ запискахъ [1]), бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но думалъ-ли я, что поѣду на востокъ?» Первое впечатлѣніе было самое отталкивающее. «Рабы! восклицаетъ Грибоѣдовъ; и по дѣломъ имъ!... У нихъ и историки панегиристы... Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-лѣтнюю службу, сѣдую голову и алкоранъ въ рукахъ, били по пятамъ — разумѣется, безъ суда... Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно...» Грибоѣдовъ отдыхалъ только за картинами природы. Вотъ что писалъ онъ о горѣ Араратѣ: «Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ передъ священными преданіями, одинъ видъ этой древней горы поражаетъ непзъяснимымъ удивленіемъ...» Отдавая справедливость и нѣкоторымъ патріархальнымъ сторонамъ восточныхъ нравовъ, Грибоѣдовъ замѣчаетъ при этомъ: «Я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ на нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фарраши—домочадцами, самъ я—Олеарій». Гораздо болѣе причудливое сравненіе встрѣчается въ его письмѣ изъ Тавриса П. А. Катенину (въ февралѣ 1820). Рѣчь идетъ про шаха: «не по длинной бородѣ, а впрочемъ во всемъ точь-въ-точь Ломоносова Государыня Елисаветъ, дщерь Петрова. ...Что за люди [2]) вокругъ него, что за нравы!..» Тяжесть впечатлѣнія вызвала въ его путевыхъ замѣткахъ слѣдующія строки: «Судьба, нужда, необходимость можетъ меня современемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ далѣе, но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда-бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской странѣ въ самое злое время года...».

Нравственнымъ отдыхомъ служатъ ему поѣздки его по време-

---

[1]) Напечатаны въ „Черновой Тетради“.
[2]) Изд. г. Серчевскаго, стр. 38.

намъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ отводитъ себѣ душу въ бесѣдахъ съ Ермоловымъ, о которомъ мы читаемъ въ его письмѣ къ Катенину: «Нашелъ его, какъ прежде, необыкновенно умнымъ, хотя не дружелюбнымъ. Онъ воюетъ, мы миръ блюдемъ... Если, однако, вездѣ такъ мудро учреждены посольства... какъ наше здѣсь, то *полки опаснѣе, чѣмъ умы дипломатовъ...*» Замѣчательна и эта откровенность нашего дипломата по неволѣ, стоившаго многихъ и очень многихъ дипломатовъ по ремеслу. Въ путевыхъ запискахъ Грибоѣдова мы читаемъ про того-же Ермолова: «Что это за славный человѣкъ! Мало того, что уменъ—ныньче всѣ умны,—но совершенно порусски—на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ *мелочи*... Много говоритъ, однако позволяетъ говорить и другимъ... По законамъ я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но помню, что онъ въ Азіи—здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ... или я ужъ совсѣмъ сдѣлался панегиристомъ, а кажется, меня въ этомъ нельзя упрекнуть...»

Въ объясненіе суровости политическихъ мѣръ Ермолова (къ которымъ, отмѣтимъ это себѣ, Грибоѣдовъ вообще относится недоброжелательно) говорится тутъ далѣе вотъ что: «На базары прежде Ермолова выводили на продажу захваченныхъ людей,—ныньче самихъ продавцовъ вѣшаютъ».

Что касается личныхъ отношеній Ермолова къ Грибоѣдову, то вначалѣ грозный кавказскій главнокомандующій не на шутку посердился на секретаря персидскаго посольства за дуель его съ Якубовичемъ, происшедшую наконецъ при проѣздѣ его черезъ Тифлисъ, по старому петербургскому обязательству. Но Ермоловъ былъ вслѣдъ затѣмъ пораженъ тѣмъ умѣньемъ и смѣлостью, съ какими этотъ-же самый дуелистъ добился въ Персіи возвращенія изъ плѣна нашихъ солдатъ, а отчасти и другихъ русскихъ подданныхъ. Въ путевыхъ запискахъ Грибоѣдова мы читаемъ слѣдующія строки, поражающія скромною сжатостью: «Хлопоты за плѣнныхъ. Бѣшенство и печаль. Голову мою положу за несчастныхъ моихъ соотечественниковъ». Грибоѣдовъ какъ-бы предсказалъ тутъ то, что дѣйствительно случилось впослѣдствіи. Но на этотъ разъ дѣло кончилось благополучно. У Грибоѣдова записанъ разго-

книги из собранія ... ОНИ.

воръ его по этому поводу съ наслѣдникомъ персидскаго престола Аббасъ Мирзой, изъ котораго приведу слѣдующее:

Аб. М. Видите-ли этотъ водоемъ? Онъ полонъ и ущербъ ему не великъ, если разольютъ изъ него нѣсколько капель. Такъ и мои русскіе для Россіи.

Гр. Но еслибы эти капли могли *желать* возвратиться въ бассейнъ, зачѣмъ имъ мѣшать?

Аб. М. Я не мѣшаю русскимъ возвратиться въ отечество.

Гр. Я это очень вижу; между тѣмъ ихъ запираютъ, мучатъ, до насъ не допускаютъ.

Настойчивый секретарь посольства достигъ своей цѣли и, самъ ставъ во главѣ колонны плѣнниковъ и бѣглецовъ, велъ ее по Персіи до русской границы. Сюда относятся опять лаконическія строки въ его путевыхъ запискахъ:

«Днюемъ въ Марандѣ... Отправляемся... Пѣсни: «*Какъ за рѣченькой слободушка*»; «*Во полѣ дороженька...*» Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза».

Ермоловъ былъ въ восторгѣ. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу Мазаровичу, 11-го ноября 1819 года:

«Пріятно мнѣ замѣтить попеченіе Грибоѣдова о возвратившихся солдатахъ и не могу отказать ему справедливой похвалы въ исполненіи возложеннаго Вами на него порученія, гдѣ благороднымъ поведеніемъ своимъ вызвалъ неблаговоленіе Аббасъ Мирзы и даже грубости, въ которыхъ не менѣе благородно остановилъ его, давъ ему уразумѣть достоинство русскаго чиновника» [1]).

Ермоловъ не ограничился этимъ. Онъ хлопоталъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ о наградѣ Грибоѣдову за его подвигъ, но получилъ въ отвѣтъ, что *дипломатическому чиновнику не слѣдовало поступать такимъ образомъ*... Сохранилось письмо Ермолова къ самому Грибоѣдову, писанное значительно позже (29 сент. 1820 г.) и указывающее на тѣ-же самыя отношенія его къ бывшему дуелисту-водевилисту.

«Во всѣхъ дѣйствіяхъ вашихъ относительно Персіи должны мы быть руководимы прямотою и твердостью... Вижу изъ бумагъ,

---

[1]) „Русская Старина“ 1874 г. кн. X, стр. 280.

что поступки ваши въ отсутствіи повѣреннаго въ дѣлахъ во всемъ благоразумно согласованы съ сими правилами и мнѣ остается только принести вамъ справедливую похвалу [1]).

Въ свободное время Грибоѣдовъ въ своемъ дипломатическомъ монастырѣ занимается весьма разнообразнымъ чтеніемъ. Тутъ же принимается онъ и за свое, столь давно задуманное поэтическое «Горе». Вотъ что писалъ онъ 1-го октября 1822 г. Кюхельбекеру изъ Тифлиса: «Теперь въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка свое или чужое; а людямъ—ничего: некому». Письмо залежалось до января 1823 г. Продолжая его послѣ этого долгаго перерыва, Грибоѣдовъ сообщаетъ о смерти двухъ близкихъ къ нему лицъ и ожидаемой холерѣ и впадаетъ при этомъ въ самый печальный тонъ. «Трезвые умы обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ будто я самъ боюсь въ землю лечь;—другихъ жаль сторичко пуще себя. Ахъ, эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужого—страдаетъ болѣзнью ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи—чтобы разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ...»

Мало утѣшаетъ его при этомъ и полученный имъ наконецъ долговременный отпускъ на родину. Вотъ что пишетъ онъ о своихъ сборахъ въ дорогу въ томъ-же письмѣ: «приносили шубы на выборъ... тяжелыя... вотъ первый искусъ желающимъ въ Россію: надобно непремѣнно растерзать звѣря и окутаться его кожею, чтобы потомъ роскошно черпать отечественный студеный воздухъ [2]).

Отпуску Грибоѣдова предшествовалъ приблизительно за годъ переходъ его на службу къ Ермолову (по личному ходатайству послѣдняго), въ качествѣ секретаря по дипломатической части. Жизнь на Кавказѣ и при этомъ начальникѣ была, разумѣется, гораздо пріятнѣе жизни въ Персіи, и Грибоѣдовъ могъ, по крайней мѣрѣ сравнительно, благословлять судьбу. Въ Тифлисѣ онъ окончилъ

---

[1]) „Русская Старина“, 1874 г., кн. X, стр. 283.
[2]) „Русская Старина, 1874 г., V, 169—170.

№ 67416

два первыхъ дѣйствія «Горя отъ ума» и повезъ ихъ съ собою на родину. Чтеніе ихъ Бѣгичеву вызвало такія важныя замѣчанія со стороны послѣдняго, что Грибоѣдовъ вслѣдъ затѣмъ сжегъ весь первый актъ, но черезъ недѣлю возстановилъ его въ новомъ видѣ. Пребываніе въ Москвѣ доставило Грибоѣдову новыя данныя для двухъ послѣднихъ актовъ. Грибоѣдовъ, какъ и Чацкій, имѣлъ много основаній быть недовольнымъ Москвой и даже вообще родиной—недовольнымъ даже безъ всякой примѣси личныхъ соображеній. При умномъ Ермоловѣ на Кавказѣ жилось, конечно, вольнѣе, чѣмъ въ обѣихъ столицахъ во время процвѣтанія Магницкихъ и Аракчеевыхъ. Понятно, если Грибоѣдовъ, по свидѣтельству Бѣгичева, «сочувствовалъ желанію нѣкоторыхъ перемѣнъ», но его отталкивало то заурядное ихъ проповѣдываньe пошленькими и пустенькими людьми, которое онъ и осмѣялъ въ своемъ Репетиловѣ, противопоставивъ его представителю дѣльной стороны тогдашняго общественнаго движенія—Чацкому.

Набравшись въ Москвѣ свѣжихъ впечатлѣній, Грибоѣдовъ для окончанія своей комедіи отправился въ іюнѣ 1824 г. въ деревню Бѣгичева и выѣхалъ оттуда въ Петербургъ уже съ готовою рукописью «Горя отъ ума». Первоначально Грибоѣдовъ не думалъ о постановкѣ своей комедіи на сцену. Но мысль эта пришла ему вскорѣ въ голову, подъ вліяніемъ лицъ, слушавшихъ ее въ чтеніи и отнесшихся къ ней съ восторгомъ. Страстно и упорно увлекаясь всякими принятыми рѣшеніями, Грибоѣдовъ сталъ хлопотать въ Петербургѣ о позволеніи поставить «Горе отъ ума» на сцену. Но это не удалось ему, какъ и напечатаніе комедіи въ полномъ видѣ. Только нѣкоторыя части ея появились въ альманахѣ Булгарина на 1825 г. «Русская Талія». Подозрѣваютъ, что постановкѣ комедіи сильно помѣшало столкновеніе Грибоѣдова съ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ въ такомъ чисто личномъ дѣлѣ, какъ ухаживанье за артисткой Телешевой. Какъ бы то ни было, даже на сценѣ театральнаго училища могла состояться только, подъ руководствомъ самого Грибоѣдова, репетиція комедіи, самое-же представленіе и тутъ было воспрещено.

Между тѣмъ заботы о постановкѣ на сцену комедіи, по собственному сознанію Грибоѣдова, повредили ей. Вотъ что читаемъ

мы въ одномъ изъ его черновыхъ набросковъ [1]): «Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое желаніе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха, заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было». Стоитъ обратить особенное вниманіе на эти слова. Если же принять въ соображеніе, что Грибоѣдову съ другой стороны пришлось, какъ онъ выражается, «портить» свою комедію и ради тогдашнихъ условій нашей печати, то мы должны будемъ заключить, что мы имѣемъ передъ собою далеко не полное выраженіе творческихъ замысловъ Грибоѣдова. Но забота о постановкѣ на сцену—нельзя однако-же не возразить самому Грибоѣдову—далеко не такая суетная забота со стороны драматическаго писателя, какимъ несомнѣнно былъ Грибоѣдовъ, и удовольствіе, испытанное имъ уже въ 1827 г. на Кавказѣ при исполненіи его комедіи военными людьми на любительской сценѣ, было, конечно, самое законное удовольствіе. А сколько поколѣній зрителей восхищалось и будетъ еще восхищаться комедіей Грибоѣдова, хотя бы удавалось видѣть ее много разъ и *даже въ плохомъ исполненіи*. Самому Грибоѣдову пришлось наконецъ совершенно отказаться отъ своей любимой мечты—видѣть свою комедію допущенною на сцену. За то его замучили просьбами читать ее вслухъ въ различныхъ домахъ. Къ этому времени относится характерный анекдотъ, сообщенный въ запискахъ П. А. Каратыгина. Когда на обѣдѣ у Хмѣльницкаго одинъ весьма заурядный драматургъ, взявъ рукопись Грибоѣдова и покачавъ ее на рукѣ, сказалъ: «ого, какая полновѣсная; это стоитъ моей «Лизы»[2]), Грибоѣдовъ, посмотрѣвъ на него изъ-подъ очковъ, отвѣчалъ: «я пошлостей не пишу», и до тѣхъ поръ не согласился читать, пока несчастный авторъ «Лизы» не удалился. Между тѣмъ тотъ-же Грибоѣдовъ, по свидѣтельству П. А. Каратыгина (тогда еще совершенно молодого актера), на замѣчаніе его о счастливой разносторонности его способностей, отвѣчалъ: «повѣрь мнѣ, Петруша, у кого

[1]) Напечатано въ первый разъ въ изданіи г. Стасюлевича.

[2]) «Лиза, или торжество благодарности», драма, нравившаяся въ то время извѣстной публикѣ.

много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго». Каратыгинъ по этому поводу замѣчаетъ: «онъ былъ скроменъ и снисходителенъ въ кругу друзей, но сильно вспыльчивъ, заносчивъ и раздражителенъ, когда встрѣчалъ людей не по душѣ» [1]). Способность ожесточаться до такой степени объясняется тогдашними письмами Грибоѣдова. Семнадцатаго октября 1824 г. онъ писалъ Катенину: «У Шаховскаго бываю, оттого что всѣ другіе его ругаютъ; это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство... Всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города. Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе краи...» [2]). Еще замѣчательнѣе письмо къ Бѣгичеву отъ 4 января 1825 г. «Нынче день моего рожденія. Что же я? На полпути моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться — отовсюду колѣнопреклоненіе и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся... я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ тряспиномъ государствѣ. Скоро отправлюсь—и надолго... Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно современемъ у тебя поищу прибѣжища... отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!..» Слова эти повидимому относятся къ тому кругу, въ которомъ пришлось съ молодости вращаться Грибоѣдову и который въ особенномъ смыслѣ фигурировалъ въ нашъ петербургскій періодъ всякаго рода Максимъ Петровичами—между прочимъ и изъ литераторовъ—т. е. представителями «безжалостнаго стучанія объ полъ лбомъ».

Грибоѣдову, какъ мы видимъ, предстояло путешествіе, для леченія, за границу. Оно не состоялось. Въ томъ-же письмѣ къ Бѣгичеву онъ говоритъ: «любовь во второй разъ, вмѣсто чужихъ краевъ, опредѣлила мнѣ киснуть между своими финнами. Въ 15

---

[1]) Отрывокъ о Грибоѣдовѣ изъ зап. П. А. Каратыгина перепечатанъ изъ „Рус. Старины“ 1872 г. въ „Живописномъ Обозрѣніи“ 27 января настоящаго года (весь почти № посвященъ Грибоѣдову).

[2]) Изд. Серчевскаго, стр. 42—44.

и 16 гг. точно то-же было. Тутъ вѣроятно заключается намекъ на его тогдашнее увлеченіе Телешевой, которымъ смѣнилось прежнее, отчасти роковое увлеченіе Истоминой. Общее раздраженіе противъ «финновъ» доводило Грибоѣдова и до разрыва съ людьми, съ которыми онъ вообще былъ хорошъ да и потомъ опять сближался. Къ числу ихъ принадлежалъ, какъ извѣстно, и Булгаринъ, котораго литературная репутація получила особенно неблагопріятный оборотъ уже послѣ смерти Грибоѣдова. Но Булгаринъ разъ какъ-то пересолилъ въ своихъ печатныхъ похвалахъ Грибоѣдову и слѣдствіемъ было письмо, полученное имъ отъ автора «Горя отъ ума» и сохранившееся въ бумагахъ Булгарина съ помѣткой: «Грибоѣдовъ въ минуту сумасшествія» [1]). Въ немъ мы между прочимъ читаемъ: «Съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей... но, не смотря на все это, не могу долѣе продолжать нашего знакомства... Правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной... Какъ авторъ я ничего еще не произвелъ истинно изящнаго... боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю-ли я еще горсточку ладона. Разстанемтесь... Мы другъ друга болѣе не знаемъ...»

Невольно вспоминаются слова Чацкаго: «и похвалы мнѣ ваши досаждаютъ». Но Грибоѣдову пришлось встрѣтить не однѣ похвалы своей комедіи. Представители старой литературной школы, свившіе себѣ тогда гнѣздо въ «Вѣстникѣ Европы», отнеслись къ ней весьма несочувственно. Къ этому времени, можетъ быть, относятся раздраженные стихи Грибоѣдова:

И сочиняютъ—врутъ, и переводятъ—врутъ!
Почто же врете вы, о, дѣти! Дѣтямъ прутъ!
Шалите риѳмами, нашизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть, но вы ругаться удальцы...

Но живые «оригиналы» Загорѣцкаго заходили, надо думать, насчетъ Грибоѣдова далѣе собственно литературныхъ сплетенъ. На это, повидимому, намекается въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 18 мая 1825 г. «Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой... Какъ

---

[1]) Писано въ окт. 1824 г.

же ты могъ думать, что я допущу тебя до личной и публичной схватки... Вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству... Коли я талантомъ и чѣмъ-нибудь сдѣлался извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ моего почитателя... И такъ плюнь... Въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я умру въ отдаленіи или умру прежде тебя, и кто-нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки!»

Вмѣсто путешествія за-границу Грибоѣдовъ изъ Петербурга отправился на лѣто 1825 г. въ Крымъ. Слѣдъ его пребыванія тамъ сохранился въ видѣ краткаго дневника, въ его черновой тетради. Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ, часто представляющихся не болѣе какъ программой, сказывается широкая наблюдательность Грибоѣдова. «Лѣнь и бѣдность татаръ, замѣчаетъ онъ, напримѣръ. Нѣтъ народа, который-бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваньями, какъ русскіе». Въ Херсонесѣ набросаны имъ слѣдующія строки: «не здѣсь-ли Владиміръ построилъ церковь? Можетъ, великій князь стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я теперь» [1]). Наблюденія въ Кіевѣ и Крыму, относящіяся къ русской исторіи, по свидѣтельству г. Завалишина, были дѣланы Грибоѣдовымъ по просьбѣ извѣстнаго знатока нашей древности П. А. Муханова [2]). Они вносились въ тетрадь такъ-называемыхъ *Desiderata*. Любопытны тутъ замѣтки, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно сквозитъ взглядъ Грибоѣдова на Петра Великаго.

«Патріархъ во всемъ облаченіи и бояре спрашиваютъ у народа, кого избрать на царство. И стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и гостинные, и черныхъ сотенъ, и проч. избираютъ Петра».

Тотъ-же строго фактическій характеръ сохраняется въ этихъ замѣткахъ и далѣе, но въ самомъ выборѣ фактовъ сказывается не тотъ склопъ мысли, который такъ долго господствовалъ у нашихъ историковъ. Вотъ образчики: «Тайная канцелярія... Введеніе раб-

---

[1]) «Русское Слово» 1859 г. кн. V, стр. 25, 29.

[2]) «Древняя и новая Россія» 1879 г. Апрѣль, «Воспоминанія о Грибоѣдовѣ», Д. Завалишина, стр. 321.

ства чрезъ подушную подать, чрезъ запрещеніе переходить крестьянамъ... Отмѣна формулы: «государь указалъ, бояре приговорили»... «...Обличаютъ обвиненнаго царевича Алексѣя въ томъ, что онъ духовному отцу на исповѣди говорилъ». Мѣстами однакоже прямо сказывается и собственное сужденіе Грибоѣдова. Напримѣръ: «Петръ вводитъ чужія новизны. Царевичъ Алексѣй могъ любить отечество и пользу народа, и славу,—и потому «пустыхъ нѣмецкихъ нововведеній могъ не желать» [1]). Вѣренъ или не вѣренъ взглядъ Грибоѣдова, онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть принятъ къ свѣдѣнію, такъ какъ имъ выясняется многое въ извѣстныхъ выходкахъ Чацкаго, о которыхъ такъ много толковали у насъ вкривь и вкось.

Грибоѣдову очень надоѣдали въ Крыму путешественники. Жалобы его на нихъ напоминаютъ жалобы Байрона на назойливое любопытство англичанъ, не дававшихъ ему покоя въ Швейцаріи. «Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ, писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву; сочинитель Фамусова и Скалозуба—слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! да мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. Чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-хъ колесахъ;—кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ... Но остановки, отдыхи для меня пагубны; задремлю либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые помимутно со мною, часто-же они дураки набитые. Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы, безпредѣльные и ограниченныя способности... Не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечелъ, но увѣренъ, что тутъ много сумасшествія» [2]).

То-же мрачное настроеніе сказывалось у Грибоѣдова и по возвращеніи на Кавказъ. Вотъ что писалъ онъ оттуда 7 декабря тому-же другу своему Бѣгичеву:

«Чтобы дольше не іовничать, пускаюсь въ Чечню: Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ) не хотѣлъ, но я самъ ему навязался... Теперь

---

[1]) «Русское Слово», 1859 г. IV, 12, V, 56 57.
[2]) Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву, стр. 29.

это меня нѣсколько занимаетъ: *борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ*... На счетъ А. П. объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобычливѣе, чѣмъ когда-либо... *окруженъ глупцами и не глупѣетъ*... Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ-бы ошибки самого А. П. Эта краска рыцарства, какою судьба оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала-бы къ нему кабардинцевъ. Я теперь лично знаю многихъ князей и уздепей. Двухъ при мнѣ застрѣлили, другихъ заключили въ колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьяго дня набрелъ за рѣкою и вѣтеръ его медленно качаетъ. Но дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; *одно строжайшее правосудіе мирить покоренные народы съ знаменами побѣдителей*» [1]).

Не трудно замѣтить въ этихъ словахъ уже далеко не безусловное одобреніе Грибоѣдовымъ своего начальника. Но замѣчательно, что тотъ самый Д. В. Давыдовъ, котораго за его *рыцарство* Грибоѣдовъ готовъ предпочесть Ермолову, впослѣдствіи отнесся къ поэту очень не безпристрастно, именно по поводу отношеній его къ тому-же Ермолову. Глубокая человѣчность, заставлявшая Грибоѣдова содрогаться сердцемъ за враговъ, качавшихся на верхушкахъ деревьевъ, сказывается и въ прекрасномъ его стихотвореніи «Дѣлежъ добычи» (иначе — «Хищники на Чегемѣ»), напечатанномъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826 года. Поэтъ говоритъ тутъ отъ имени героевъ, отстаивающихъ свою свободу:

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива;
Та же въ небѣ синева,
Тѣ-же льдяныя громады,
Тѣ-же съ ревомъ водопады,
Та-же дикость, красота
По ущельямъ разлита.
Наши—камни, наши—кручи.
Русь! зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь-ли? Вонъ могучій
Двувершинный дѣлитъ тучи [2]),

---

[1]) Тамъ-же, стр. 34—36.
[2]) Эльборусъ.

Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главой твоихъ полковъ.

Между тѣмъ къ Ермолову внезапно пріѣзжаетъ фельдъегерь съ приказаніемъ арестовать Грибоѣдова и выслать его въ Петербургъ. Ермоловъ даетъ Грибоѣдову истребить всѣ неудобныя для него бумаги, а затѣмъ исполняетъ форму, донося военному министру: «Грибоѣдовъ взятъ такъ, что не успѣлъ истребить своихъ бумагъ». По свидѣтельству Д. Завалишина, бывшаго товарищемъ Грибоѣдова по заключенью, въ поступкѣ Ермолова не было ничего особенно исключительнаго: «лица, поставленныя и выше Ермолова, замѣчаетъ онъ, дѣлали для другихъ то-же самое». Къ тому-же между бумагами Грибоѣдова могли быть вещи серьезныя только для крайне опасливаго взгляда того времени—какія-нибудь ненапечатанныя стихотворенія, «не уступавшія, по свидѣтельству того-же г. Завалишина, въ рѣзкости Пушкинскимъ пьесамъ извѣстнаго направленія». Совершенно спокойный за себя послѣ допущенной Ермоловымъ «дезинфекціи», Грибоѣдовъ, какъ разсказываютъ, во все время слѣдованія своего въ Петербургъ съ курьеромъ просто держалъ этого послѣдняго въ рукахъ, точно будто-бы они помѣнялись ролями. Проѣздомъ черезъ Москву онъ не рѣшился видѣться съ матерью, зная, что у нея на готовѣ цѣлый запасъ распеканій и укоризнъ. О четырехмѣсячномъ заключеніи Грибоѣдова въ главномъ штабѣ точныя свѣдѣнія сообщены въ недавнее время г. Завалишинымъ. Оказывается, что отвѣты на вопросные пункты написаны были Грибоѣдовымъ въ духѣ «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», по совѣту заключеннаго тогда вмѣстѣ съ нимъ полковника Любимова, котораго денежнымъ средствамъ и связямъ заключенные были обязаны и обращеніемъ съ ними ихъ надзирателя—до того снисходительнымъ, что онъ даже самъ водилъ ихъ въ близь лежащую кандитерскую. Слухъ, будто-бы Грибоѣдову помогъ, между прочимъ, его Репетиловъ, т. е. осмѣяніе имъ либераловъ того времени, положительно опровергается г. Завалишинымъ: «слѣдственному комитету, замѣчаетъ онъ, очень хорошо было извѣстно, что именно-то самые серьезные члены общества и возставали сильнѣе всѣхъ противъ Репетиловыхъ». Г. Завалишинъ опровергаетъ также и слухъ, будто и товарищи по участію въ тайныхъ обществахъ и высшія

лица искали спасти Грибоѣдова, какъ геніальнаго писателя, какъ будущую надежду Россіи. «Для современниковъ молодости Грибоѣдова и Пушкина, говоритъ г. Завалишинъ, они были совсѣмъ иные люди, чѣмъ для слѣдующихъ поколѣній. Грибоѣдовъ для многихъ, и очень многихъ все еще былъ человѣкъ, принесшій изъ военной жизни репутацію отчаяннаго, повѣсы... а изъ петербургской—славу отъявленнаго и счастливаго волокиты». Даже «Горе отъ ума», по свидѣтельству г. Завалишина, не было понято современниками въ настоящей его глубинѣ, какъ политическая комедія. Ею притомъ восхищались и люди вовсе не «либеральнаго» направленія—собственно потому, что видѣли въ ней не болѣе какъ ловкое осмѣяніе *лицъ*, почему-либо имъ не милыхъ. Грибоѣдову, по мнѣнію г. Завалишина, помогло собственно то, что онъ былъ всегда остороженъ, вслѣдствіе предостереженій, съ Репетиловыми, а затѣмъ благопріятному рѣшенію его дѣла содѣйствовало и заступничество Паскевича, женатаго на его близкой родственницѣ и уже получившаго въ то время большое значеніе. Наконецъ, по замѣчанію того-же современника, къ счастію для Грибоѣдова, онъ уже не былъ въ Петербургѣ въ концѣ 1825 г.

Выпущенный на свободу въ іюнѣ 1826 года, Грибоѣдовъ затѣмъ прожилъ лѣто на дачѣ вмѣстѣ съ Ѳ. В. Булгаринымъ. Добрыя отношенія его къ послѣднему, по свидѣтельству г. Завалишина, нѣсколько удивляли уже и современниковъ, и намеки на эти отношенія всегда задѣвали Грибоѣдова за живое. Я не рѣшаюсь оспаривать г. Завалишина въ томъ, что онъ не признаетъ вѣрнымъ мнѣнія, будто-бы Булгаринъ «не считался тогда еще такимъ, какимъ считали его впослѣдствіи». Позволю себѣ лишь замѣтить, что добрыя отношенія къ Булгарину сохранялъ до конца своей жизни и Рылѣевъ. Очень можетъ быть, разумѣется, что и онъ, и Грибоѣдовъ отчасти стали при этомъ жертвою той ловкости, съ какою умѣютъ обходить благородныхъ, но самолюбивыхъ людей опытные «ловцы человѣковъ» (въ дурномъ смыслѣ этого выраженія). Мы видѣли, что у Грибоѣдова съ Булгаринымъ чуть-было не произошла окончательная размолвка — вслѣдствіе, вѣроятно, того, что издатель «Русской Таліи» заигралъ уже слишкомъ смѣло на струнѣ самолюбія Грибоѣдова (г. Зава-

лишинъ не берется опредѣлить, къ какому именно времени относится это происшествіе). Умѣнье Булгарина оправдаться снова скрѣпило ихъ добрыя отношенія, въ объясненіе которыхъ можно наконецъ привести и то, что въ «Русской Таліи» Булгарина, изданной въ 1825 г., не сочли неудобнымъ участвовать лучшіе драматическіе писатели того времени, еще-же болѣе то, что самъ Булгаринъ не былъ устраненъ отъ участія въ «Полярной Звѣздѣ».

Тѣмъ-же лѣтомъ 1826 г. Грибоѣдову гдѣ-то на островахъ пришлось заслушаться настоящихъ русскихъ простонародныхъ пѣсень. Онъ передалъ свои впечатлѣнія въ «Сѣверной Пчелѣ» (26 іюля). «Родныя пѣсни! Куда занесены вы со священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?.. Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самыхъ слушателей-наблюдателей, *тотъ поврежденный классъ полуевропейцевъ, къ которому и я принадлежу*... Ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими!.. Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который-бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ, конечно бы, заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которые не успѣли еще перемѣшаться обычаями и правами»... [1]).

Слова эти должны быть сопоставлены съ замѣтками Грибоѣдова о Петрѣ Великомъ. Замѣтимъ, что явное стремленіе къ народности сказывалось и у многихъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ Грибоѣдовъ былъ близокъ, особенно-же сильно у Рылѣева.

Съ оправданіемъ Грибоѣдова и возвращеніемъ его къ прежнему мѣсту службы совпадаетъ опала Ермолова и окончательное выступленіе на небосклонъ свѣтлой звѣзды Паскевича. Этихъ обстоятельствъ касается письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву отъ 9 декабря 1826 г. (съ Кавказа). «На войну не попалъ, потому что и Алексѣй Петровичъ туда не попалъ. А теперь другого рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ Алексѣй Петровичемъ у меня родъ прохлажденія прежней друж-

---

[1]) Изд. Серчевскаго, стр. 51—52.

бы... Старикъ нашъ — человѣкъ прошедшаго вѣка... Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, *слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ*. Вообще война съ персіанами самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ и посмотримъ...» Вспомнимъ, что Грибоѣдовъ и прежде далеко не во всемъ одобрялъ Ермолова. Онъ продолжаетъ въ томъ-же письмѣ: «Буду-ли когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ статься наперекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ-бы Омира» [1]).

Грибоѣдова, какъ извѣстно, винили въ томъ, что онъ не оставилъ Кавказа вслѣдъ за Ермоловымъ. Сестра поэта, М. С. Дурново, разсказывала Ст. Ник. Бѣгичеву, что этому воспротивилась ихъ мать, что она, по пріѣздѣ Грибоѣдова изъ Петербурга въ Москву, завезла его къ Иверской и тамъ, упавъ передъ нимъ на колѣни, взяла съ него заранѣе слово исполнить ея просьбу,—а просьба и заключалась въ томъ, чтобы онъ остался служить при Паскевичѣ. Не забудемъ, что Грибоѣдовъ, не смотря на различіе взглядовъ, нѣжно любилъ свою мать, которая, къ тому-же, могла считать его виновнымъ передъ семьей уже тѣмъ, что онъ просидѣлъ 4 мѣсяца въ заключеніи. Чтобы выдержать борьбу съ матерью, Грибоѣдову пришлось-бы, обратившись на самомъ дѣлѣ къ привлекавшей его старинѣ, позаимствоваться подвижническою силою у такого лица, какъ Ѳеодосій Печерскій, пересиливший свою строптивую мать и заставившій ее наконецъ уступить сыновнему

---

[1]) Переписка съ Бѣгичевымъ, стр. 36—37.

идеалу. Грибоѣдову дѣйствительно не хватило такой аскетической силы, — не хватило быть можетъ потому, что онъ и вообще до того времени мало упражнялъ свою волю въ самообузданіи, хотя и сознавалъ, что, за исключеніемъ физической невозможности, человѣкъ можетъ сдѣлать изъ себя рѣшительно все, что захочетъ [1]). Но намъ-ли, «больнымъ сынамъ больного вѣка», по выраженію поэта, винить Грибоѣдова въ отсутствіи аскетической выдержки? Мы знаемъ къ тому-же, что онъ не пошелъ въ отставку вслѣдъ за человѣкомъ, котораго далеко не во всемъ одобрялъ, что лично онъ никогда не служилъ Ермолову, какъ не служилъ впослѣдствіи и Паскевичу или кому бы то ни было, потому что всегда служилъ *дѣлу*, и только не бросилъ этой службы своей *ему* на Кавказѣ при перемѣнѣ начальника. Если же, какъ это и дѣлали, сводить вопросъ къ одной личной *благодарности*, то вѣдь не одинъ Ермоловъ помогъ Грибоѣдову позволеніемъ ему истребить свои бумаги, но не менѣе помогъ ему, по свидѣтельству г. Завалишина, и Паскевичъ своимъ заступничествомъ за него въ Петербургѣ. Но Грибоѣдовъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые были-бы способны руководствоваться въ дѣлѣ общественной службы личною благодарностью. А служба его на Кавказѣ, какъ и вездѣ, была настоящая служба Россіи. Противники Грибоѣдова доходили, правда, до того, что отрицали и самую дѣльность и пользу службы его на Кавказѣ. Во главѣ ихъ стоитъ тотъ самый Д. В. Давыдовъ, котораго Грибоѣдовъ такъ похвалилъ за его «рыцарство». Вотъ слова извѣстнаго поэта-партизана: «даровитый писатель долженъ-бы былъ довольствоваться славой, столь справедливо заслуженною имъ въ литературномъ мірѣ...» Но Грибоѣдовъ, по его мнѣнію, не захотѣлъ ею удовольствоваться и попалъ въ фальшивое положеніе. Ему, «незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ почиталъ его совершенно безполезнымъ для службы». Не станемъ спорить относительно Ермоловской *канцеляріи*: тамъ, пожалуй, и осуждали

---

[1]) Воспом. Кс. Полевого въ статьѣ о Грибоѣдовѣ передъ изд. «Горя отъ Ума» 1839 г., стр. XLVI.

съ высоты своего писарскаго величія дѣловой слогъ писателя, незнакомаго «ни съ какими формами»; но что самъ Ермоловъ считалъ службу Грибоѣдова далеко не безполезною, въ этомъ мы могли уже убѣдиться выше. Ермоловъ однако-же, сознается Давыдовъ, «любилъ Грибоѣдова... Онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ вправѣ ожидать лишь отъ родного отца... Увлекшись честолюбивыми побужденіями, Грибоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда облагодѣтельствованнымъ Ермоловымъ... отплатилъ ему... за все прошлое неблагодарностью... Будучи отправленъ въ Петербургъ для поднесенія государю Туркманчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему С. Н. Бѣгичеву (мнѣ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой, Д. Н. Бѣгичевъ): «я *вѣчный злодѣй Ермолова*». Онъ говорилъ около того-же времени не одному слѣдующее: «я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при тегеранскомъ дворѣ ..». Благодаря покровительству гр. Паскевича, онъ получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвою своей ошибки [1]).

Первая половина этого свидѣтельства объясняется разсказомъ Грибоѣдова П. А. Каратыгину о томъ, какъ онъ поплатился въ Москвѣ за свою безтактность: заѣхавъ къ Ермолову по старой памяти, такъ сказать, въ простотѣ души, онъ былъ принятъ имъ крайне сухо. «Я вѣчный злодѣй Ермолова», говорилъ по этому поводу Грибоѣдовъ—въ томъ, вѣроятно, смыслѣ, что старикъ вѣчно будетъ теперь его считать врагомъ [2]). Впрочемъ, какъ человѣкъ самолюбивый, Грибоѣдовъ и самъ въ пылу раздраженія отъ ледянаго пріема могъ, пожалуй, на время почувствовать озлобленіе противъ Ермолова. Что же касается послѣдняго, то онъ и впослѣдствіи жаловался на поэта: «и онъ, Грибоѣдовъ, оставилъ меня, отдался моему сопернику» [3]).

Въ тонъ съ Давыдовымъ идетъ отзывъ еще одного лица, знавшаго Грибоѣдова на Кавказѣ, Ник. Викт. Шимановскаго. «Его товарищи не любили, утверждаетъ онъ о Грибоѣдовѣ, у него былъ

---

[1]) «Рус. Вѣстникъ 1863 г. дек., стр. 583—84.

[2]) Такъ догадывается составитель біографіи Грибоѣдова въ «Рус. Старинѣ» 1874 г., (VI, 294).

[3]) Ст. г. Берже въ «Рус. Стар.» 1874 г., (X, 291).

характеръ непостоянный и самолюбіе неограниченное. Когда, по пріѣздѣ въ станицу Червленную, онъ жилъ у меня въ хатѣ, приходитъ къ намъ Сергѣй Ермоловъ... и спросилъ Грибоѣдова про С. Н. Бѣгичева, какъ онъ могъ съ этимъ увальнемъ и тюфякомъ такъ подружиться? Грибоѣдовъ съ живостью отвѣчалъ: «это потому, что Бѣгичевъ первый сталъ меня уважать». А потомъ онъ же вывелъ этого своего друга на сцену въ «Горѣ отъ ума», въ лицѣ Платона Михайловича» [1]).

Замѣтимъ, что послѣднее далеко не доказано; но еслибы оно было и такъ, самъ Ст. Ник. Бѣгичевъ могъ-бы отвѣчать на это только добродушной улыбкой, такъ какъ роль Платона Михайловича Горича, друга Чацкаго, не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Во всякомъ случаѣ неразрывность дружбы Грибоѣдова съ Бѣгичевымъ поставлена выше всякихъ сомнѣній и ихъ перепиской, и біографическою запиской о Грибоѣдовѣ Бѣгичева. Нелюбовь къ Грибоѣдову товарищей, упоминаемая г. Шимановскимъ, вѣроятно, составляетъ обобщеніе, до котораго этотъ послѣдній доведенъ былъ своимъ личнымъ нерасположеніемъ къ той Грибоѣдовской рѣзкости, до какой онъ дѣйствительно доводилъ свою прямоту. Другіе совершенно иначе судили объ этомъ свойствѣ Грибоѣдова: «никто, говорилъ Бестужевъ-Марлинскій, не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ — никогда...» Слушая его, говорилъ К. А. Полевой, можно было вѣрить каждому слову его, потому что онъ не терпѣлъ преувеличеній и будто мыслилъ вслухъ, не скрывая своихъ чувствъ» [2]). Но вотъ это-то и могло заставлять иныхъ людей отзываться о немъ, какъ о Чацкомъ: «не человѣкъ — змѣя».

Вторая половина свидѣтельства Давыдова, указывающая на разсчетъ Грибоѣдова стать непремѣнно посломъ въ Тегеранѣ, повидимому, находитъ себѣ подтвержденіе въ отзывѣ кн. Вяземскаго, что Грибоѣдовъ «не былъ вовсе, какъ полагаютъ многіе, человѣкомъ увлеченія: онъ былъ болѣе человѣкомъ обдумыванья и

---

[1]) »Рус. Арихвъ» 1875 г., VII, 344.
[2]) Изд. «Горя отъ Ума» 1839 г., стр. XLV.

разсчета» [1]). Но вѣдь самые лучшіе люди не всегда умѣютъ воздерживаться въ своихъ отзывахъ отъ примѣси личныхъ отношеній и чувствъ. Между тѣмъ изъ воспоминаній г. Завалишина, мы узнаемъ, что въ Репетиловскомъ «князѣ Григорьѣ» всѣ узнавали въ то время кн. Вяземскаго. Это обстоятельство могло отразиться на отношеніяхъ покойнаго академика къ комедіи Грибоѣдова, отношеніяхъ весьма близкихъ къ развѣнчиванію,—могли отразиться и на отзывѣ кн. Вяземскаго о самомъ ея авторѣ. Много-ли правды въ приписываніи Грибоѣдову служебныхъ разсчетовъ, это увидимъ мы далѣе.

Продолжая свою кавказскую службу при Паскевичѣ, Грибоѣдовъ во время начавшейся войны нашей съ Персіей находился при дѣйствующей арміи и, участвуя въ главныхъ битвахъ, поражалъ своею неустрашимостью самыхъ бывалыхъ воиновъ. Объ этой «неустрашимости» онъ однажды разсказывалъ у кн. В. Ѳ. Одоевскаго при Кс. Ал. Полевомъ, что сначала препорядочно трусилъ, но нарочно остановился тамъ, куда прямо попадали непріятельскіе выстрѣлы, отсчиталъ положенное число ихъ, а затѣмъ преспокойно переѣхалъ на другое мѣсто [2]). Послѣ такого опыта страхъ какъ рукой сняло, такъ что самъ Паскевичъ писалъ женѣ: «нашъ слѣпой [3]) совсѣмъ меня не слушается, разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями, да и только». Но вскорѣ ему пришлось пустить въ ходъ и свои уже испытанныя дипломатическія способности. Когда старый его знакомецъ, Аббасъ-Мирза, у котораго онъ въ свое время такъ ловко оттягалъ нашихъ плѣнныхъ, былъ разбитъ и сталъ просить мира, Грибоѣдовъ былъ посланъ къ нему въ лагерь для переговоровъ. Объ этомъ онъ подробно говоритъ въ своей запискѣ «Персія и персіане», написанной тогда-же (въ 1827 г.) [4]). Вотъ какимъ тономъ говорилъ нашъ повѣренной съ наслѣдникомъ персидскаго престола: «Ваше высочество сами поставили себя судьею въ собственномъ дѣлѣ и предпочли рѣшить его оружіемъ... Кто пер-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1874 г. II, стр. 0544.

[2]) Изд. «Горя отъ Ума» 1839 г., стр. XLVI—XLVII.

[3]) Намекъ на близорукость Грибоѣдова («Рус. Стар. 1814 г., VI, 293).

[4]) Напечатана въ «Рус. Старинѣ» 1873 г., кн. VI.

вый начинаетъ войну, никогда не можетъ сказать, чѣмъ она кончится...»

Аббасъ Мирза, какъ всѣ восточные, а подъ-часъ и не одни восточные, люди, обнаруживалъ склонность къ проволачивающимъ словопреніямъ; Грибоѣдовъ сразу ее отвратилъ словами:

«...Я долженъ объявить В. В., что посланные ваши, если явятся съ предложеніями другого рода, несогласными съ нашими, или для преній о томъ, кто первый былъ причиною войны,—они не только не получатъ удовлетворительнаго отвѣта, но главноначальствующій не признаетъ себя даже вправѣ ихъ выслушивать». «*...При окончаніи каждой войны, несправедливо начатой съ нами, мы отдаляемъ наши предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятеля, который бы отважился переступить ихъ...*» А вотъ и окончательныя заключенія Грибоѣдова: «Я оставилъ персидскій лагерь съ ободрительнымъ впечатлѣніемъ, что непріятель войны не хочетъ... всѣ духомъ упали, всѣ недовольны... Но ожидать невозможно, чтобы они сейчасъ купили миръ цѣною предлагаемыхъ имъ условій, и для этого нужна рѣшительность; *длить время въ переговорахъ болѣе имъ свойственно*». Вскорѣ оказалось, что Грибоѣдовъ правъ: война должна была на время возобновиться и только послѣ новаго рѣшительнаго удара съ нашей стороны Персія заключила съ нами Туркмантайскій договоръ, доставившій намъ Эривань и большую контрибуцію. Грибоѣдовъ былъ при этомъ главнымъ дѣятелемъ и отправленъ затѣмъ Паскевичемъ въ Петербургъ для оффиціальнаго донесенія о мирѣ. Сюда относятся слѣдующія строки изъ біографической записки Ст. Ник. Бѣгичева: «Въ проѣздъ его черезъ Москву въ Петербургъ съ трактатомъ онъ заѣзжалъ ко мнѣ часа на два и между прочимъ сказывалъ, что гр. Эриванскій спрашивалъ его: какого награжденія онъ желаетъ? «Я просилъ представить меня только къ денежному награжденію. Дѣла матери моей разстроены, деньги мнѣ нужны: я пріѣду на житье къ тебѣ. Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, для меня дѣла постороннія... Голова моя полна и я чувствую необходимую потребность писать...»

Принятый въ Петербургѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ высшей степени милостиво, Грибоѣдовъ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ полно-

мочнымъ министромъ въ Персію. О томъ, какъ это произошло, узнаемъ мы изъ той-же біографической записки о немъ Ст. Ник. Бѣгичева. «На пути къ мѣсту своего назначенія, пишетъ его вѣрный другъ, Грибоѣдовъ пробылъ у меня три дня... Онъ былъ чрезвычайно мраченъ... «*Врядъ-ли мы еще съ тобой увидимся*... Я знаю персіянъ. Аллаяръ ханъ... не подаритъ мнѣ заключеннаго съ персіанами мира. Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ; я отвѣчалъ, что Россіи нужно имѣть тамъ полномочнаго посла, чтобы не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. А я подумалъ, что туча прошла мимо и назначатъ какого-нибудь чиновнѣе меня; но черезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я по Высочайшей волѣ назначенъ полномочнымъ министромъ. Дѣлать было нечего... но предчувствую, что *живой изъ Персіи не возвращусь*».

Мы знаемъ, что это грустное предчувствіе сказывалось у него еще передъ первымъ его отправленіемъ въ Персію, когда онъ точно также ошибся, думая, что испортитъ все дѣло запрашиваньемъ двухъ чиновъ разомъ. Теперь, не избавившись отъ этой роковой Персіи и указаніемъ необходимости имѣть въ ней настоящаго *посла*, Грибоѣдовъ передъ отъѣздомъ говорилъ своему пріятелю, А. А. Жандру: «насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ; Алаяръ-ханъ мой личный врагъ,—не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата [1]). Можно-ли рѣшиться сказать, что Грибоѣдовъ только *напускалъ* это на себя—*напускалъ передъ ближайшими друзьями*—на самомъ же дѣлѣ радовался осуществленію своего «разсчета» на мѣсто посла?

Между тѣмъ голова его была занята литературными планами, а передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ читалъ знакомымъ уже оконченную трагедію «Грузинская ночь». Сужденіе Н. И. Греча, слышавшаго ее, что она была даже выше его знаменитой комедіи, отличается, вѣроятно, преувеличеніемъ. Но по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ видно, что замыселъ былъ глубокъ. Эта месть матери за сына ея-же питомцу—общему ихъ господину, и нравственная кара

---

[1]) «Русская Старина, 1874 г., VI, 295.

за месть, вытекающая изъ ея послѣдствій—отличаются чѣмъ-то Шекспировскимъ. Въ связи съ занятіями Грибоѣдова русской исторіей находился, вѣроятно, планъ не то драмы, не то поэмы изъ временъ половецкихъ на насъ набѣговъ. Отрывки, сюда относящіеся, найденные въ черновой тетради Грибоѣдова, поражаютъ и поэтическою силою выраженія, и историческимъ пониманіемъ, подходящимъ къ Пушкинскому. Неоконченнымъ остался у Грибоѣдова и задуманный имъ еще въ 1825 г. прологъ «*Юность вѣщаго*», выставляющій въ лирико-драматической формѣ начальную судьбу Ломоносова. Недописанною осталась и поэма изъ восточной жизни «Кальянчи» и картинка въ народно-фантастическомъ вкусѣ «*Домовой*». По всѣмъ этимъ блестящимъ отрывкамъ видно, что многосторонній талантъ Грибоѣдова могъ бы произвести еще многое въ разныхъ родахъ, еслибы *поэту* удалось окончательно смѣнить *дипломата* и достичь исполненія завѣтной мечты—поселиться у Бѣгичева и не знать съ этихъ поръ ничего, кромѣ творчества.

Но въ черновой тетради Грибоѣдова сохранился еще планъ драмы изъ древней исторіи, котораго, мнѣ кажется, никакъ нельзя отнести, какъ это дѣлали, къ начальной его парѣ. Планъ этотъ—какъ и почти все у Грибоѣдова—вовсе не въ классическомъ вкусѣ, хотя трагедія подъ тѣмъ-же заглавіемъ (Радимистъ и Зенобія) и попадается между классическими трагедіями Кребильона; у автора «Горя отъ ума» и тутъ опять скорѣе замѣтно что-то Шекспировское. Въ основѣ же есть какъ будто-бы нѣчто общее съ Байроновскимъ «Сарданапаломъ»: такое-же возмущеніе противъ государя, желающаго всякаго добра, только Радимистъ отличается отъ Сарданапала тѣмъ, что, при той-же простотѣ обращенія, вовсе нэ причастенъ его изнѣженности и способенъ къ дѣятельному противодѣйствію римлянамъ. Въ 1-мъ актѣ проводится противоположность между патріархальною неиспорченностью царя Древней Арменіи и нравственною дряхлостью міродержавнаго Рима. Посолъ его кичится передъ Радимистомъ «свободою и славою отечества, но Радимистъ даетъ ему чувствовать, что то и другое живо только въ памяти, по преданіямъ... «Къ чему такой человѣкъ, какъ Касперій въ самовластной имперіи—опасенъ правительству и самъ себѣ бремя, ибо иного вѣка гражданинъ. Радимистъ не боится испорченнаго Рима

и считаетъ «власть царя восточнаго народа вѣрнѣе и чистосердечнѣе». Но Радимистъ ошибается, подобно Сарданапалу: противъ него созрѣваетъ заговоръ. Планъ драмы не дописанъ, но замѣчательны въ немъ слова: «народъ не имѣетъ участія въ дѣлѣ заговорщиковъ— онъ будто не существуетъ». Не находится-ли это въ связи съ событіями 1825 г. и не опредѣляется-ли этимъ принадлежность плана драмы уже къ послѣдней порѣ жизни Грибоѣдова? Позднѣйшія отношенія его къ тѣмъ людямъ, о связяхъ съ которыми главнымъ образомъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Завалишинъ, сказываются въ письмѣ, написанномъ Грибоѣдовымъ въ 1827 году къ А. Ив. Одоевскому, поплатившемуся, какъ извѣстно, за свое участіе въ тайныхъ обществахъ. «Государь, пишетъ Грибоѣдовъ, наградилъ меня щедро за мою службу (и, какъ мы видѣли, было за что). Бѣдный другъ и братъ! Зачѣмъ ты такъ несчастливъ?... Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи въ 1825... Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать...» [1]).

Проѣздомъ черезъ Москву къ своему нежеланному высокому посту, Грибоѣдовъ (12-го іюня 1828 г.) долженъ былъ обратиться къ Булгарину по такому дѣлу: «Матушка посылаетъ тебѣ мое свидѣтельство о дворянствѣ;—узнай въ герольдіи наконецъ, *какого цвѣта мой... гербъ*, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онёрами» [2]). Холодность Грибоѣдова къ его служебнымъ успѣхамъ вызвала, надо думать, слѣдующее письмо его матери къ тому-же лицу, замѣчательное и по тону этой умной женщины лучшаго круга съ человѣкомъ, котораго она считаетъ нужнымъ, и по оригинальнымъ оборотамъ ея русскаго языка, очевидно переведеннаго ею съ французскаго: «Не охладѣвайте вашу къ нему дружбу... онъ къ вамъ привязанъ истинно... а я, какъ усердная мать, по всему сему сношенію, обожаю васъ, смѣю сказать, какъ-бы моего сына... Вы, нашъ неоцѣненный другъ, знаете его достоинства... Зная же и его нѣжность и безъинтересную личность, на васъ-то и надѣюсь, вы-то и возбудите въ немъ дѣятельность, частую ведя

---

[1]) Изданіе г. Серчевскаго, стр. 49.
[2]) Русская Старина, 1874 г. VI, 298.

съ нимъ переписку... Онъ мнѣ все сообщилъ, какъ вы имъ занимаетесь, даже и въ интересныхъ его дѣлахъ» [1]).

Послѣдняя побывка Грибоѣдова въ Тифлисѣ на пути въ нелюбимую Персію озарилась для него прощальнымъ лучемъ свѣта. Какъ бы желая разсѣять свои мрачныя предчувствія, онъ рѣшился соединить свою участь съ дѣвушкою, вполнѣ достойною его по уму и по сердцу—княжною Ниною Александровною Чавчавадзе, которая, какъ онъ надѣялся, доставитъ ему отраду семейнаго крова въ этой далекой, негостепріимной странѣ. Между тѣмъ дипломатическое начальство торопило его отъѣздомъ [2]). По этому поводу писалъ онъ 12 іюля 1828 г. изъ Тифлиса Родофиникину. «По словамъ Булгарина, вы хотите достать мнѣ именное повелѣніе ни минуты не медлить въ Тифлисѣ. Но, ради Бога, не натягивайте струнъ моей природной пылкости и усердія, чтобы не лопнули...»

Не желая спѣшить къ своему посту, Грибоѣдовъ имѣлъ въ виду не только себя, но и пользу дѣла. Онъ находилъ, что русскому полномочному министру не слѣдуетъ ѣхать въ Персію ранѣе уплаты ею всей контрибуціи. Грибоѣдовъ опять оказался правъ: по прибытіи его къ своему посту, персидское правительство успокоилось, подняло носъ и стало медлить отправленіемъ недоплаченной суммы. Грибоѣдовъ считалъ себя въ правѣ написать 30 октября тому-же дипломату уже изъ Тавриса:

«Для пользы ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ, я слишкомъ рано сюда прибылъ, и зналъ это напередъ, но боялся быть въ отвѣтственности передъ начальствомъ, которое у насъ соразмѣряетъ успѣхи и усердіе въ исполненіи порученныхъ дѣлъ по болѣе или менѣе скорой ѣздѣ чиновниковъ» [3]).

Съ тою-же откровенностью писалъ Грибоѣдовъ Паскевичу (отъ 1 октября) о неудобствѣ порядковъ, заведенныхъ нами въ только что присоединенномъ краѣ:

«Наши городовые и областные суды, ни мало не заботясь приноровиться къ мѣстнымъ обычаямъ и не дерзая сего дѣлать въ силу

---

[1]) Тамъ-же, стр. 300—301.

[2]) Тогдашнему директору азіатскаго департамента (Р. Архивъ 1872 г. VII—VIII, стр. 1542.)

[3]) Тамъ-же, стр. 1547.

регламентовъ, судятъ протяжно и подписываютъ опредѣленія... которымъ жители подчиняются не по убѣжденью, а какъ будто-бы насильственно. Что за поспѣшность съ нашей стороны вмѣшиваться во всѣ мелкія тяжбы... новыхъ подданныхъ между собою. Боимсяли мы пристрастія мусульманскихъ судей? но власть ихъ единственно основана на выборѣ и довѣріи народномъ» [1]).

Это, конечно, не тонъ человѣка, заботящагося о карьерѣ. Стольже мало сказывается такой тонъ и въ письмѣ Грибоѣдова къ самому гр. Нессельроде по прибытіи его на свой постъ (отъ 20 октября 1828 г.). Вотъ на что счелъ онъ нужнымъ обратить вниманіе иностранца, очутившагося во главѣ русской дипломатіи:

«Всего болѣе понравилась мнѣ та добрая память, которую оставили наши войска въ сельскомъ народѣ... бѣдные люди громко упрекали солдатъ (шаха) въ ихъ несходствѣ съ русскими, которые и справедливы, и ласковы, такъ что народъ очень былъ бы радъ ихъ возвращенію».

Далѣе Грибоѣдовъ переходитъ къ крайней затруднительности своего положенія.

...«Не смотря на всю предупредительность (Аббаса Мирзы), пишетъ онъ, какъ только рѣчь заходитъ о дѣлахъ, начинаются затрудненія. Одно освобожденіе нашихъ плѣнныхъ подданныхъ причиняетъ мнѣ неимовѣрныя заботы; даже содѣйствіе правительства почти недостаточно для того, чтобы отнять ихъ у ихъ настоящихъ владѣльцевъ» [2]).

Настоятельное требованіе, по строгому смыслу договора, выдачи плѣнныхъ и погубило Грибоѣдова. Сколько ни писали о разныхъ его «безтактностяхъ», заключавшихся въ ненужномъ нарушеніи персидскаго этикета, и какъ ни охотно хваталось за подобныя объясненія само наше министерство иностранныхъ дѣлъ, сущность дѣла заключалась не въ этомъ. Грибоѣдовъ хорошо зналъ персіянъ и заранѣе ждалъ съ ихъ стороны не добраго. Не въ порывѣ самонадѣяннаго увлеченья, а вполнѣ сознательно и послѣдовательно упорно отстаивалъ онъ вмѣстѣ съ другими плѣнными и этого стража

---

[1]) Р. Старина 1874 г, XII, 749
[2]) Р. Старина 1874 г. X, 751.

гарема, захотѣвшаго также воспользоваться своимъ правомъ возвращенья въ Россію. Выдать его, уступая религіозно государственнымъ предразсудкамъ Персіи, значило бы повредить государственной чести Россіи, съ соблюденіемъ которой совпадало и дѣло справедливости и человѣколюбія. Грибоѣдовъ хорошо зналъ, что его ждетъ, и потому-то его образъ дѣйствія есть настоящій подвигъ. Онъ еще болѣе подвигъ потому, что сознавая всѣ слабыя стороны внутренней жизни современной ему Россіи, Грибоѣдовъ при всемъ томъ оберегалъ предъ другими ея народную честь. Дипломатъ-Фамусовъ, дипломатъ-Молчалинъ или дипломатъ-Репетиловъ поступили бы, конечно, не такъ, какъ этотъ «волокита и дуэлистъ», этотъ «членъ тайныхъ обществъ». Правда, на могилу его принесенъ графомъ Нессольроде упрекъ въ «опрометчивыхъ порывахъ усердія» [1]), напоминающій старый упрекъ ему въ томъ, что онъ, тогда еще секретарь посольства, превысилъ, такъ сказать, свою власть, озаботясь участью тѣхъ-же русскихъ плѣнныхъ. Но какъ тогда Ермоловъ, такъ теперь Паскевичъ посмотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе. Причина гибели Грибоѣдова—конечно гадательно—объяснялась Паскевичемъ и помимо какой-либо его вины. Вотъ что писалъ онъ графу Нессельроде 20 февраля 1829 г.:

«Выводя разныя заключенія, можно предполагать, что англичане не вовсе были чужды участія въ возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Тегеранѣ, хотя, можетъ быть, они не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій онаго (ибо они неравнодушно смотрѣли на перевѣсъ нашего министерства въ Персіи...)» [2])

Это подтверждается намеками адъютанта Аббаса Мирзы въ разговорѣ съ русскимъ генераломъ: *англичане хотя и жили въ Тавризѣ, но хвостъ ихъ все-же былъ скрытъ въ русской миссіи въ Тегеранѣ* [3]). Съ этимъ любопытно сопоставить и слѣдующія слова изъ письма къ Паскевичу Мальцева,—единственнаго человѣка изъ нашего посольства, уцѣлѣвшаго среди страшной рѣзни 30 января 1829 г., письма, отправленнаго 4-го іюня изъ Тавриса:

---

[1]) Р. Старина 1872 г. VIII, 184.
[2]) Р. Старина 1872 г. VIII, 189.
[3]) Тамъ-же стр. 191.

15 К.

«Я достовѣрно узналъ, что по прибытіи сюда тѣла покойнаго нашего посланника, никто изъ англичанъ не выѣхалъ ему на встрѣчу» [1]).

Дѣло это, конечно, остается въ туманѣ. Но, какъ-бы тамъ ни было, если Грибоѣдовъ и виноватъ самъ въ своей трагической смерти, то столько-же, сколько виноватъ и воинъ, не обратившійся въ бѣгство передъ непріятелемъ.

Обезображенное тѣло поэта и государственнаго человѣка, узнанное только по пальцу, остававшемуся скорченнымъ со времени дуэли его съ Якубовичемъ, было привезено въ Тифлисъ и встрѣчено тамъ молодою вдовой и толпою глубоко опечаленныхъ туземцевъ и русскихъ. Могила его въ монастырѣ св. Давида священна для каждаго русскаго. Къ ней смѣло могутъ быть отнесены стихи не менѣе его несчастнаго и немногимъ имъ пережитаго поэта:

Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика—сына,
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Ор. Миллеръ.

№ 67146

---

[1]) Тамъ-же 102. Не надо забывать, однако, что англійскій посолъ показалъ большое участіе вдовѣ Грибоѣдова.